

От автора
бестселлера
«Ван и
не сплю!»

Галина
Щербакова

Дочки, матери,
птицы и острова

Галина Щербакова
...Все это следует шить...

«ИП Секачев В.Ю.»

Щербакова Г. Н.

...Все это следует шить... / Г. Н. Щербакова — «ИП Секачев В.Ю.»,

ISBN 978-5-457-28483-8

ISBN 978-5-457-28483-8

© Щербакова Г. Н.
© ИП Секачев В.Ю.

Галина Щербакова

...Все это следует шить...

О странностях любви

Моя подруга американка, узнав, что я пишу о странностях любви, сказала:

– Хорошо придумано! Когда кончится любовь, будешь писать о странностях ненависти.

Помню свой внутренний протест, какое-то почти бурное несогласие. Можно подумать – живу в стерилизованной колбе. Сдержалась и сказала нечто аморфное:

– Писать о ненависти не буду. Это чувство неэкологично и опасно.

Сказала, чтоб что-то сказать, а попала в точку. Чистюль американцев сразить страхом загрязнения – плевое дело. Пугаются как маленькие. Это нам пустить вошь в голову, яд в реку не то что пустяк, а так... Всплеск. Дуновение... Даже захотелось утешить Америку, мол, ладно вам... Одним словом, мысленно пишу письмо милой моей американке: «Мэм! Дорогая моя! Меня душит смех из-за твоего испуга. Как ты не понимаешь, что рассказ о любви – он почти всегда и о ненависти. Про один шаг между ними молчу – банальность. И чем странней и сильней любовь, тем они ближе, эти две проклятушие бабы – любовь и ненависть, тем все перепутанней между ними. Иногда их и в лицо не различишь... Я к тому, мэм, что для экологии лучше всего перерабатывать ненависть в любовь. Ну нет, хоть ты тресни, более подходящего и близкого по природе материала.

Еще Бёме – жадных до знаний американцев ссылка на кого-нибудь убеждает особенно, – так вот, этот самый лучший философ из сапожников говаривал, что „доброта, не имеющая в себе зла, пуста и сонна“. Не правда ли, загнул? А ничуть! Любовь и ненависть, добро и зло самозабвенно булькают в одном котле, и попробуй расщепи их.

Я расскажу тебе историю, которая...»

...которая не дает мне покоя, потому как я не знаю и не понимаю, откуда у нее растут уши. Я ее расскажу так, как мне расскажется именно сейчас. Пиши я ее завтра, она могла бы описаться по-другому. Она проста, как та самая русская репа, но, клянусь, ни один компьютер не выдаст по ней адекватного жизни ответа.

Значит, так...

...У Тамары Ивановны был легкий грипп. Чудное время для неленивой женщины. Она решила распустить наконец старую хорошей вязки шерстяную кофту, которую дочь давно забросила на антресоли. Тамара выудила мешок с барахлом при помощи лыжной палки, осыпавшаяся на нее пыль вызвала в ней естественную мысль, что только дурак в наше время занимается таким делом – ну, распустит кофту, грипп кончится, что она будет делать с мотками? Опять же придется запихивать в пыль антресолей. Но голова бурчит, руки делают... Вытащила кофту, мешок так толкнула назад палкой, что откуда-то из глубины раздался писк... Ах ты, боже мой, подумала Тамара, там ведь где-то лежат и детские игрушки дочери, и надо бы их тоже достать, вдруг что-то пригодится уже внучке. Хотя дочь сказала ей сразу: «Только, мать, без разных окаменелостей. Динка будет играть в игрушки своего времени». Сейчас Динке шесть лет, все стоит безумно дорого, и надо, надо достать тот мешок, который пискнул.

Мало ли.

А пока же в руках была кофта. Толстая, цвета абрикосового джема, на пуговицах, сделанных на заказ. Копейки тогда это стоило. Тамара для смеха попробовала ее натянуть на себя и, хоть это было глупо с самого начала, – расстроилась. Тогда, когда дочь носила эту кофту, в дочерины пятнадцать лет, Тамара могла ее носить тоже, если не застегивать пуго-

вицы. Теперь же кофта мертвой хваткой обняла плечи и руки. Получалось, что у Тамары не нормально пятидесятый размер, а какой-нибудь пятьдесят шестой. А кому претензии? Сама же сдуру полезла в эту чертову кофту. Теперь стаскивай с себя, сопя гриппозным носом, злись, а кофта зацепилась за что-то сзади, пришлось в ней, жаркой, крутиться, рука попала в накладной карман, а в нем был секрет, придуманный самой Тамарой: маленький карманчик с пуговичкой из атласного шелка внутри большого. Для сторублевки, которую спрятали, когда дочка в восьмом классе ездила сама к бабушке, а ехать надо было целых шесть часов ночного времени.

В карманчике что-то лежало. И Тамара подумала: а может, это та самая сторублевка? Сунули и забыли.

Вывернула карман, расстегнула маленькую пуговичку. Квадратик тетрадного листа. Развернула.

Не было предэмоций. Последним чувствованием перед тем, как Тамаре прочитать то, что было на листке, осталась мысль о сторублевке в тоне «ха-ха». А потом, без перехода, было сразу падение в бездну.

«Сергей! – было написано ее дочерью Леной. – Сейчас мне уже все равно: я могу ее убить. Какое это имеет значение – мать-дочь, – если она стоит между нами? Ты весь трусишься, когда ее видишь, можно подумать, она тебе жена. А она тебе, как и я. Мы на равных, но сейчас-то нет. Или мы объявляемся, или я ей скормлю крысид.

Это мое последнее слово».

В бездну Тамара летела вниз головой. Она точно это знала, потому что ждала, когда голова найдет у бездны дно и расколется о него, как пустой орех. Но ничего подобного не случилось.

– Так странно, – скажет она мне потом, – когда я поняла, что не разобьюсь, я просто перевернулась, обшупала ногами низ бездны, обшупала и поняла, что буду жить. Более того, у меня напрочь пропал грипп.

Это было первое ощущение «другой жизни» – полное отсутствие соплей и состояние глубокого физического здоровья. Слетала в бездну – и как новенькая. Вторым чувством была ненависть, которая, видимо, заняла пространство гриппа и других Тамариных недугов. Одним словом, ненависть разместилась в Тамаре широко и глубоко. Но самое ужасное было то, что она как бы выплеснулась в прошлое, и то, что давно заняло свои места в жизни Тамары и было хорошим и ясным, опрокинулось, было облито ядом, прошлое шипело, как плохое масло на сковородке, чадя, воняя, и что там ваши сквозняки для вытяжения! – прошлое не проветривалось.

Тамара ходила по квартире, лапая стены, это странное хождение вдоль стен продолжалось, видимо, долго, во всяком случае, подступила легкая тошнота, и пришлось сесть. Напротив в серванте прислоненно к стеклу стояла фотография Лены и Динки. Дочь улыбалась нежно, внучка всю щерила роток без двух передних зубов, которые лежали в крохотном бархатном футлярчике, где когда-то лежало Тамарино обручальное. Его она бросила мужу в морду в суде, и именно это послужило основанием решения в пользу мужа, который в иске ссылался на ее дурной нрав, а он возьми и проявись – нрав – в виде броски кольца в цель с соответствующим словесным сопровождением. Надо сказать, что слова были еще те!

У мужа давно была женщина, Тамара честно с ней боролась чистотой и порядком в доме, всем стиранным и выглаженным, боролась разнообразием меню и билетами в театр, кино и цирк. Не в коня корм – все мимо!

Потом, когда в жизни Тамары появился Сергей, она поняла, что вела себя глупо. Что ни одну любовницу нельзя победить походом в кино и чистыми простынями. Что это все по разным ведомствам. Но надо было самой попасть в любовницы, чтобы не то что понять, просто узнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.